

ALEKSANDER KIKLEWICZ

 <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

SEBASTIAN PRZYBYSZEWSKI

 <https://orcid.org/0000-0002-5207-666X>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ АКТ КАК КАТЕГОРИЯ ПРАГМАТИКИ

AESTHETIC SPEECH ACT AS A CATEGORY OF PRAGMATICS

The authors treat aesthetic speech acts as stimulating, i.e. within the category of determining speech acts (which also includes directive, interrogative, vocative and creative acts). A characteristic feature of stimulating speech acts is the nativistic nature of the determined mental state of the addressee. In formal terms, the peculiarity of aesthetic speech acts is that the use of discrete (lexical or grammatical) exponents of the illocutionary function is not possible in this case. To implement the aesthetic function, various elements of the part of the utterance containing information about the area of reference of the pragmatic function are used: 1) the semantic content of the text or utterance; 2) its form and structure; 3) context and communication situation; 4) translation of text/message, including the media. Due to their functional and formal features, aesthetic speech acts are divided into several subtypes: 1) macro-, meso- and micro-acts; 2) free vs. complementary acts; 3) determining the feeling of beauty or ugliness; 4) communicative vs. non-communicative.

Keywords: pragmatolinguistics, linguistic communication, literary pragmatics, discourse, aesthetic speech acts

ВВЕДЕНИЕ

Эстетический компонент социальной коммуникации и языковой деятельности по-разному осмысливается в разных парадигмах науки. Структуралисты уделяли много внимания художественным текстам, трактуя искусство как особого рода язык, а именно — как вторичную моделирующую систему знаков. Именно в рамках структурного языкознания была создана теория поэтического языка. В этом отношении особенно значимы заслуги Пражского лингвистического кружка (в частности, Яна Мукаржовского), а также Тартуско-Московской семиотической школы. Из исследований польских ученых следует выделить работы

Януша Славинского (Sławiński 1974; 1992), Марии Р. Майеновой (Maęenowa 1974) и Мечислава Порембского (Porębski 1986).

В эпоху постструктурализма проблемы эстетической коммуникации стали рассматриваться иначе — в перспективе социальной семиотики и антропологии культуры, отчасти также с точки зрения когнитивизма (см. Загидуллина, Киклевич 2020; Minai 1989; Parret 1993; Thyssen 2011; McGarry, Erhart, Eslen-Ziya 2020 и др.). Эстетические аспекты речевой коммуникации получили отражение также в исследованиях в области прагматистики, в частности, в публикациях, относящихся к литературной прагматике (англ. *literary pragmatics*): Sell 1991; Black 2006; Pilkington 2010; Mey 2001.

Вместе с тем приходится констатировать, что эстетический аспект практически отсутствует в учении о речевых актах (далее — РА) как главном направлении прагмалингвистической науки. Это касается как оксфордской (классической) школы прагматики, так и более поздних формаций функциональной прагматики, включая *conversational analysis*.

Предметом данной статьи является определение статуса эстетических речевых актов (далее — ЭРА) как одной из категорий коммуникативного поведения. ЭРА рассматриваются в плане содержания и плане выражения. С учетом содержательных и формальных характеристик будет предложена их общая типология, а в качестве иллюстративного материала послужат фрагменты русскоязычных текстов из разных сфер речевой деятельности.

1. ПОНЯТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО РЕЧЕВОГО АКТА

Прагматическая наука занимается изучением операций с информацией, которые подчинены волевому или рефлексивному поведению человека: с одной стороны, употребление знаков служит реализации намерения отправителя сообщения и имеет интенциональный характер; с другой стороны, существуют реактивные РА, в основе которых лежат усвоенные в процессе социализации правила (как в случае речевого этикета) или же биологически обусловленные вербальные рефлексы.

В области прагматических исследований, как отмечает Ян Хуанг (Huang 2014: 4), можно выделить две наиболее влиятельные школы: англо-американскую и европейскую (континенталь-

ную). Представители англо-американской прагматики изучают, главным образом, коммуникативные имплицатуры, дейксис, референцию, логическую структуру косвенных РА и др. Континентальная прагматика более открыта для исследования художественных текстов. Именно в этом научном контексте появилось понятие литературной прагматики как области исследований функционирования языка в художественных дискурсах (Meu 2011: 511). По словам Энн Бэнфилд (Banfield 2003: 475), этот термин указывает на предмет исследования и не имеет отношения к отдельной научной дисциплине.

Практически с самого начала появления теории РА (благодаря публикации лекций Джона Остина, см. Austin 1962) предпринимались попытки применить теорию оксфордского философа к описанию литературных текстов, т.е. к их интерпретации как своего рода РА (см. Ohmann 1971; van Dijk 1976; Pratt 1977; Sell 1991; Bredella 1992 и др.)¹. Следует, однако, сделать оговорку, что сам Остин был склонен рассматривать категорию иллокуции только по отношению к типизированным, конвенциональным формам повседневного или официального речевого поведения. Разного рода языковые поэтизмы, метафорические, фигуративные выражения, языковая игра — всё это с его точки зрения относится к области специального употребления языка. Как бы следуя утверждению Дэвида Юма, что поэты — это профессиональные лжецы, Остин считал, что эстетически маркированные высказывания не выполняют коммуникативной функции и не обладают иллокутивной характеристикой. По отношению к таким формам речевой деятельности, как реплика актера со сцены во время театрального представления, публичное чтение стихотворения, разговор человека с самим собой, Остин писал: «Язык при таких обстоятельствах определенным образом употребляется несерьезно, в каком-то смысле паразитирует на нормальном употреблении» (Остин 1986: 37)².

Несмотря на то, что теория Остина не предусматривала возможности интерпретации художественных текстов, теории

¹ Дж. Хиллис Миллер в связи с этим пишет: «Роман подобен заявлению, юридическому свидетельству или диегезису» (Miller 2005: 152).

² Ивона Витчак-Плисецкая (Witczak-Plisiecka 2013: 30) справедливо отмечает, что концепция Остина не предусматривала описания художественного языка. Остина прежде всего интересовала обыденная и институциональная коммуникация, а также идея регулирования социальной реальности при посредничестве языка.

литературы неоднократно обращались к ней, предпринимая попытки прагматической интерпретации художественных текстов с точки зрения категории иллокуции³ (подробнее об этом см. Petrey 1990: 50 и др.).

Джон Сёрл (Searle 1969), развивая теорию РА Остина, интерпретировал некоторые базовые категории иначе. Он предложил понимание локуции (локутивного акта) как пропозиционально-семантического феномена, тогда как у Остина это фонетический, фатический или ретический акт. Теоретикам литературы ближе оказалась концепция Остина, которая давала возможность описания взаимосвязей между художественным текстом (как определенным знаковым стимулом) и рефлексией читателей (ср. Petrey 1990; Miller 2001). При этом Сёрл (Searle 1979) уделял больше внимания проблеме прагматической интерпретации литературных высказываний, в частности, тем функционально-коммуникативным характеристикам, которые отличают их от высказываний в повседневных дискурсах. Он утверждал, что автор литературного произведения имитирует ассертивный РА, уклоняясь от реализации иллокутивного акта⁴.

Помимо изучения РА в рамках литературной прагматики эстетический компонент усматривается также в высказываниях, которые содержат эстетические оценки (ср. Morgan 2017), однако это имеет мало общего с ЭРА, как они понимаются в данной статье.

Исследования РА в контексте художественного текста можно разделить на две группы: интрадигетические и экстрадигетические (см. Jucker, Locher 2017: 2–3). С одной стороны, исследуются РА в структуре текста, т.е. то, что говорят персонажи (см. Black

³ Теоретики литературы по-разному относились к позиции Остина. С одной стороны, интерпретация художественного текста в определенной степени учитывает личность и интенциональную характеристику автора. Если две интерпретации одного и того же текста противоречат друг другу, предпочтение отдается той, которая более согласуется с авторской (Birke, Körpe 2015). С другой стороны, литературоведы пишут об «ошибке интенциональности», отрицая тезис о том, что успешность художественного РА можно объяснить ссылкой на намерение автора (Warner 2014: 367).

⁴ Проблема иллокутивной характеристики высказываний в художественных и нехудожественных дискурсах занимает значительное место в исследованиях РА. Так, Уршуля Кизельбах (Kizelbach 2017: 425) считает, что иллокутивные акты в беллетристических текстах принципиально не отличаются от иллокутивных актов в текстах других типов. Если бы было иначе, нам пришлось бы отдельно изучать правила прагматической интерпретации высказываний в художественном тексте.

2006). С другой стороны, художественный текст трактуется как речевой макроакт (см. Meу 2011) в ряду других макроактов, со своей прагматической функцией и ее языковым выражением.

В прагмалингвистической литературе слабо представлена целая область речевой деятельности, предметом которой является стимулирование ментального или эмоционального состояния адресатов. Данное речевое действие существенно отличается от всех известных типов и категорий РА (см. Searle 1976; Wunderlich 1972; Романов 1988). Так, если информирующие РА состоят в реализации намерения говорящего передать адресату некоторые знания и в значительной степени имеют интерсубъективный, коннексивный характер (вклад получателя сообщения здесь не имеет решающего значения), то в случае убеждения самого факта передачи сообщения недостаточно — успешность данного речевого действия не может быть детерминирована или гарантирована отправителем — она главным образом зависит от получателя, т.е. от процессов, происходящих в его когнитивной системе⁵. Такого рода ментальные состояния субъекта определяются как автопоэтические или нативистские (см. Maturana, Varela 1992). В случае информирующего РА говорящий достигает своей цели, произнося перформативный глагол, как в высказывании (1), тогда как в случае персуазивного акта перформативный глагол успешности не гарантирует, как в высказывании (2):

- (1) Знайте, что он этого не хотел.
- (2) Убеждаю тебя — он этого не хотел.

В первом случае для того, чтобы адресат знал о том, что общается в высказывании, достаточно самого высказывания: форма утвердительного предложения означает, что говорящий знает о некотором положении дел и преднамеренно осуществляет РА, в результате которого адресат также будет знать об этом (об эпистемическом аспекте РА подробнее см. Kiklewicz 2021: 304 и др.). Во втором случае у адресата имеется некоторая психологическая установка и нежелание признать правдивость сообщения. С этим связана необходимость убеждения адресата, однако у говорящего не может быть уверенности в том, что

⁵ К такого рода ситуациям не применимо, например, утверждение Льва С. Выготского: «Анализируя структуру раздражителей, мы воссоздаем структуру реакции» (1986: 39).

адресат в результате произнесения высказывания окажется убежденным⁶.

Свойство автопоетичности характерно также для других состояний, являющихся целью стимулирующего воздействия речевого субъекта, в частности, эмоциональных, к которым следует отнести и эстетическое переживание (в научной литературе бытует термин *эстетическая эмоция*, см.: Видгоф 2007: 107). Например, фрагмент песни Булата Окуджавы *Ванька Морозов*:

- (3) Не думал, что она обманет,
ведь от любви беды не ждешь...
Ах Ваня, Ваня, что ж ты, Ваня,
Ведь сам по проволоке идешь...

содержит аллегорию: образ идущего по проволоке Вани означает, что человек, который слишком увлечен своими чувствами к другому лицу, ведет себя неразумно и подвергает себя опасности. С точки зрения смысла, т.е. некоторой выраженной словами ментальной репрезентации, оригинал и его парафраза практически не отличаются, но поэтический оригинал имеет особую форму, за которой для читателя или слушателя скрывается намерение автора вызвать эстетический эффект, т.е. ощущение красивого. Это дает основание для того, чтобы данную секвенцию высказываний квалифицировать как ЭРА⁷.

Специфика ЭРА, вопреки тому что утверждает Эндрю Морган (Morgan 2017: 96), не состоит в особом содержании так называемых ассертивов, предметом которых являются красивые вещи, или в связанной с переживанием красивого или безобразного экспрессии. ЭРА выделяются своей иллокутивной функцией, т.е. стимуляцией эстетического переживания адресата. Тем самым их можно отнести к более широкой категории детерминирующих РА, к которой принадлежат также директивы. От директивов стимулирующие РА отличаются, в частности, тем, что условия, при которых успешным будет, например, акт просьбы, заклю-

⁶ Само выражение *Я убеждаю тебя* считается иногда неуместным. На это указывает пример из интернет-форума (<https://otvet.mail.ru/question/206896207>):

— Можно ли сказать: «Я убеждаю тебя» вместо «Я уверяю тебя»?

— Я бы так сконструировал фразу: «Послушай меня внимательно, и ты убедишься в том, что я прав». А «Я убеждаю тебя» — так не говорят.

⁷ Проблема эстетических маркоактов будет обсуждена далее.

чены в содержании перформативного глагола (*прошу...*), тогда как употребление такого глагола в случае ЭРА практически невозможно (см. далее). Это объясняется спецификой иллюкутивной функции ЭРА — стимулированием эстетического наслаждения, которое не может вызываться прямым, прескриптивным, инструктивным способом. Человек не в состоянии контролировать свои чувства, ощущения или даже убеждения (неслучайно пословица гласит «Сердцу не прикажешь»⁸), тем более невозможно контролировать или детерминировать подобные состояния других людей. Стимулирующие РА не предполагают реакций адресата, которым предшествует анализ интерактивных операторов и соответствующие волевые импликации субъекта с учетом правил языковой системы и норм социального поведения. Стимуляция, в том числе эстетическая, по своей природе иррациональна: к тому, чтобы человек переживал эстетическое удовольствие, его нельзя принудить или нельзя в этом убедить. Можно, однако, вызвать соответствующие эмоциональные состояния, используя специальные (языковые или неязыковые) средства, трактуемые в литературе как эвокативные или импульсивные (см.: Lerchner 1981; Arovi 2005; Басин 2012)⁹. Другими словами, эстетическое воздействие не предполагает эффектов, которые могли бы быть результатом прямой манифестации волевой установки одного субъекта по отношению к другому.

Перлокутивный аспект ЭРА состоит в переживаемом адресатом чувстве красивого или безобразного. Эстетическое переживание («воспарение», по выражению Валерия З. Демьянкова) представляет собой стратегическое понятие традиционной эстетики и психологии искусства. Лев С. Выготский писал:

Всякое произведение искусства воспринимается психологом как система раздражителей, сознательно или преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию (1986: 39).

⁸ В рассказе Фазиля Искандера *Чик идет на оплакивание* мальчик переживает из-за того, что во время похорон своей родственницы — тети Циалы, он не сможет плакать, при этом Чик не в состоянии усилием воли принудить себя к этому.

⁹ К таким средствам следует отнести также нарушение правил коммуникативного поведения, например, относящихся к кооперации коммуникативных партнеров (см. Duszak 1998: 129; Kajtoch 2015: 162).

Следует, однако, подчеркнуть, что эстетическая реакция запрограммирована в форме и содержании, а также в условиях и способе реализации многих РА, которые не имеют прямого отношения к искусству. В романе Ивана С. Тургенева *Отцы и дети* есть сцена:

- (4) Посмотри, — сказал вдруг Аркадий, — сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с движением бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно с самым веселым и живым. — О друг мой, Аркадий Николаич! — воскликнул Базаров. — Об одном прошу тебя: не говори красиво.

Здесь мы имеем дело с обычным бытовым разговором, в котором один из собеседников предается рефлексии, поводом для которой послужило наблюдение над падающим кленовым листом. Упоминание некоторых красивых концептов (*сухой кленовый лист, движения бабочки*), а также фигуративный характер сообщения дают основание другому собеседнику считать, что в сообщении заключена эстетическая интенция.

2. ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Оксфордская прагматическая школа относится к логико-аналитической парадигме научного знания, поэтому нет ничего удивительного в том, что в теории Джона Остина заложена своего рода композициональность (или дискретность) РА: прагматическая интенция говорящего получает соответствующую языковую репрезентацию, в идеальном случае — в форме перформативного глагола (в 1-ом лице):

- (5) Я советую тебе помолчать.
 (6) || Я советую тебе, чтобы ты помолчал.
 (7) || Мой совет тебе: помолчи.
 (8) || Помолчи — вот что я бы тебе посоветовал.

Стимулирующие речевые акты реализуются без формальной манифестации коммуникативной интенции говорящего — в связи с невозможностью прямо влиять на эстетическое переживание адресата. Этим объясняется факт, что употребление языковых форм, свойственных директивному РА, например, глаголов повелительного наклонения, в случае стимулирующих РА исключено, ср.:

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ АКТ...

- (9) *Скучай!
- (10) *Убедись!
- (11) *Получи удовольствие!
- (12) *Испугайся!
- (13) *Усомнись!
- (14) *Расстройся!¹⁰

Таким же образом не могут быть успешными прямые апелляции типа:

- (15) *Почувствуй красоту!
- (16) *Получай эстетическое удовольствие!
- (17) *Пребывай в состоянии очарования!
- (18) *Сейчас же убедись, что это красиво.

Такого рода апелляции возможны при условии, что существуют дополнительные факторы (в составе сообщения или в контексте), которые способствуют стимулирующему воздействию на адресата. Так, выражение (15) встречается как рекламный слоган (см. рис. 1), однако эстетическая стимуляция осуществляется за счет визуального фона — изображения рекламируемого продукта. Употребление перформативного глагола в случае ЭРА означало бы прямое вмешательство во «внутренний мир» адресата и одновременно «иллокутивное самоубийство» (термин Зено Вендлера). На эту особенность искусства обратил внимание Теодор Адорно: «То, что хочет сказать художник, он говорит [...] только посредством создания образной формы, в то же время, однако, не давая ей сообщить об этом» (2001: 220).

Рис. 1. Фрагмент рекламного фильма о красоте Хивы

¹⁰ Императивная форма *расстройся* употребляется в конструкциях *а он возьми и расстройся*, *а я возьми и расстройся*, т.е. в значении прошедшего времени (*он расстроился*, *я расстроился*). Выражение *а ты возьми и расстройся* может окказионально функционировать в значении 'сделай вид, что ты расстроился', т.е. как совет, чтобы адресат воспользовался симуляцией.

В области РА можно выделить несколько типов конфигурации форм семантической и прагматической информации:

1) РА	Прагматический оператор
↓
иллокутивная функция
2) РА	Прагматический оператор + Область приложения
↓
иллокутивная функция
3) РА	[Прагматический оператор] + Область приложения
↓
иллокутивная функция

К первому типу относятся этикетные и экспрессивные РА, форма которых содержит только прагматический оператор, как в случае высказываний

- (19) Здравствуйте!
(20) Черт поberi!

Такого рода РА (в своем большинстве) лишены семантического аспекта, т.е. информации о некоторой области приложения речевого действия.

В РА второго типа прагматический показатель сочетается с выражением, указывающим на область приложения интенции говорящего. Такую структуру имеют репрезентативы и директивы. Например, в случае просьбы обязательным компонентом РА является семантическая информация о ситуации, которая в соответствии с намерением говорящего может/должна наступить в результате совершения РА и соответствующей реакции на него адресата, ср.:

- (21) Прошу вас сделать то, что в ваших силах.

Во второй части высказывания описано действие («сделать то, что в ваших силах»), к которому говорящий склоняет адресата. В стимулирующих РА прямое информирование адресата о желаемом результате воздействия невозможно. Поэтому данные РА относятся к третьему типу: прагматический оператор в этом случае отсутствует или имеет специфический статус (см. далее), а стимулирующее воздействие осуществляется за счет эвокативных форм

в составе семантической (или ассертивной) части высказывания. В проанализированном ранее фрагменте из песни Окуджавы эту функцию выполняет аллегория. Такой характер выражения эстетической интенции дает основание трактовать ЭРА как косвенные, хотя это утверждение нуждается в определенной оговорке. Дело в том, что типичными формами ЭРА являются тексты художественной литературы (как эстетические маркоакты), на прагматическую функцию которых указывают не только употребляемые авторами стилистические фигуры (метафора, олицетворение, сравнение и др.), но и характерные для этого вида речевой деятельности названия жанров: *повесть, роман, поэма, баллада* и др. Прагматический статус таких единиц имеет, однако, специфический характер. Они никоим образом не могут трактоваться как интерактивные операторы того же типа, что перформативные глаголы *прошу, советую, требую, сообщаю* и т.д. Названия жанров лишь указывают на коммуникативный тип текста и отсылают к соответствующей стилевой конвенции. Разумеется, в этой конвенции заключена также эстетическая функция текста, но она, скорее, сообщается или объявляется адресату. Этикетку *Роман* на титульной странице книги следует с прагматической точки зрения понимать так: «данный текст относится к жанру романа, т.е. к художественной литературе, и его предназначение состоит в том, чтобы описывать события человеческой жизни в социально-историческом измерении и одновременно вызывать у читателя чувство эстетического удовлетворения». Хотя за названием литературного жанра стоит стимулирующая интенция автора текста, оно само по себе не накладывает на адресата никаких обязательств и не гарантирует успешности речевого макроакта. Если, к примеру, техническую документацию назвать романом, трудно ожидать, что в силу такого этикетирования чтение документации вызовет эстетический эффект.

Следует отметить также специфический прагматический статус художественных текстов как таковых: создание и восприятие художественного текста обычно проходит вне реального взаимодействия автора и читателя, а такой текст по своей природе является неадресованным — он лишен интересубъектной интенции и фона межличностных отношений как главной прагматической характеристики РА. Неслучайно многие исследователи утверждают, что художественная литература находится за рамками социальной коммуникации.

И в случае художественных текстов, которые представляют собой наиболее типичные формы эстетического воздействия, в которых задействованы специализированные, стилистически маркированные поэтические средства языка, и в случае РА, эстетическая функция которых имеет дополнительный характер, стимулирующее воздействие на адресата осуществляется косвенным образом.

Формы реализации эстетической функции представлены несколькими типами:

- 1) семантическое содержание сообщения, а именно те его элементы, которые ассоциируются с красотой или безобразностью;
- 2) форма и структура высказывания (с учетом разных аспектов: фонетического, лексического и синтаксического);
- 3) контекст, т.е. элементы речевого или неречевого окружения РА;
- 4) способ трансляции сообщения — тип артикуляции, графический формат текста, канализация, медиа.

Эти типы достаточно подробно описаны в работе (Загидуллина, Киклевич 2020), поэтому здесь мы ограничимся только их упоминанием.

Следует подчеркнуть, что ЭРА — это функциональная, а не формальная категория, определение которой базируется на соответствующей интенции говорящего¹¹. Хотя ЭРА в первую очередь ассоциируются с употреблением стилистически маркированных поэтизмов, однако границы ЭРА не определены каким-либо списком таких форм или хотя бы их категорий. В качестве ЭРА может рассматриваться любой элемент дискурса, в котором реализуется эстетическая интенция автора сообщения и который интерпретируется получателем сообщения в соответствии с этой интенцией. Такого рода элементы могут иметь формат целого текста, отдельного высказывания или отдельного лексического элемента в структуре высказывания. Отсутствие стандартных форм репрезентации не может быть основанием для отказа таким речевым действиям в статусе иллокутивных актов — многие описываемые в прагмалингвистической литературе РА также не имеют строго фиксированной области языкового выражения. В подобном духе Сёрл писал, например, об акте обещания:

¹¹ С точки зрения Вольфганга Хайнеманна главным критерием оценки текста является то, в какой степени он вызывает у адресата ожидаемый эффект (Heinemann 2008: 136).

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ АКТ...

Понятие обещания, как и большинство понятий обыденного языка, не связано с абсолютно строгими правилами. Существует масса странных, необычных и пограничных случаев общения, и против моего анализа могут быть выдвинуты в большей или меньшей степени причудливые контрпримеры. Я склонен думать, что мы не сможем получить множество необходимых и достаточных условий, которое на сто процентов верно отражало бы обыденное употребление слова *promise* 'обещать' (Сёрл 1986: 161).

3. ТИПОЛОГИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

ЭРА представляют собой внутренне неоднородную прагматическую категорию, в рамках которой отдельные речевые действия отличаются по своему содержанию, форме, месту в структуре дискурса и другим признакам. В связи с этим необходимо выделить основные типы таких речевых действий.

Прежде всего следует различать ЭРА с точки зрения иллокутивной функции, которая заключается в стремлении говорящего вызвать у адресата чувство красивого или чувство безобразного. В художественной литературе известно явление турпизма — восходящего к временам средневековой поэзии и живописи¹² стиля, в основе которого лежит культивирование концептов, относящихся к сфере безобразного (подробнее см. Mutysh-Forajter 2010: 13 и др.). Антиэстетичность, характерная для художественных стилей отдельных авторов (например, режиссеров Джима Джармуша и Александра Сокурова, прозаика Евгения Попова, поэта Игоря Холина, см. Уваров 2014: 86), в повседневном общении встречается редко, что можно объяснить действием принципа вежливости. Видимо, неслучайно наречие *некрасиво* довольно часто употребляется в значении 'невежливо', ср.:

(22) Если кто-то *некрасиво выразился*, такие вещи в компании и пресекаются очень жестко¹³.

(23) Если бы Громов *некрасиво выразился* в адрес самого Сергея, нужно было бы однозначно проигнорировать попытку провокации¹⁴.

¹² Ср. известный средневековый мотив — «танец смерти».

¹³ https://otdelkadrov.by/number/2016/11/Buduschee_na_rasstoyanii_vytyanutoj_ruki_11201616/ (доступ: 27.07.2021).

¹⁴ https://dynamo.kiev.ua/articles/123132-sergej-nazarenko-esli-gromov-chelovek-chesti-to-pust-rasskazhet-kak-vse-byilo-na-samom-dele?skip_infinite=1 (доступ: 27.07.2021).

Следующая оппозиция типов ЭРА касается их формата. Можно выделять ЭРА макро-, мезо- и микроуровня. К макроактам (трактуемым также как серийные или глобальные РА, см. ван Дейк 1989; van Dijk 1980; Mey 2001; Car 2010) относятся такие, которые реализуются с употреблением крупноформатных коммуникативных единиц — текстов. Примером такого ЭРА может служить театральное или театрализованное представление или публичное чтение поэтами своих произведений. Такие случаи можно также квалифицировать как эстетические дискурсы.

Мезоакты реализуются в форме высказываний, а микроакты — в форме отдельных лексических единиц или сочетаний. Рассмотрим два примера:

(24) Вернулся муж, а мы в прямом эфире...

(25) На 73-й минуте он *обыграл на носовом платке* сразу трех соперников и ударом с носка попытался отправить мяч в угол — совсем немного промахнулся¹⁵.

Первый пример — «одностишие» Владимира Вишневского, которое, несмотря на ироническую интонацию, благодаря своей стихотворной форме предполагает эстетическое воздействие на читателей. Второй пример — высказывание из спортивного репортажа, в котором метафорическое выражение *обыграл на носовом платке*, помимо своей основной семантической функции, выполняет также эстетическую функцию — в кругах российских спортивных журналистов оно считается образцом изящного стиля.

Типология ЭРА касается также характера конфигурации речевого действия в дискурсе. Во-первых, следует выделить свободные ЭРА с основной эстетической функцией, в частности, в области так называемого «чистого искусства». В качестве примера можно привести тексты литературного направления хайку или литературы нонсена. Другой пример: в прологе советской и российской научно-популярной телепрограммы «Очевидное — невероятное» (выходившей с 1973 по 2012 год) звучал отрывок стихотворения Александра Пушкина:

(26) О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух

¹⁵ <https://sportrbc.ru/news/575530bc9a7947102987ad72?ruid=NaN> (28.7.2021).

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ АКТ...

И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.

Основная функция такого пролога — введение зрителей в особое, граничащее с эстетическим переживанием созерцательное состояние.

Во-вторых, эстетическая функция заключена в содержании синкретических РА (об этом понятии см. подробнее: Кобозева 1999; Kobozewa 2000; Кабанкова 2011; Жихарева, Гринева 2017; Йылмаз и др. 2017). В этом случае эстетическая интенция говорящего реализуется как дополнительная по отношению к основной — репрезентативной, директивной, вопросительной¹⁶. Такой статус имеют мезоакты в составе макроактов и микроакты в составе мезоактов. Например, читающий лекцию профессор может позволить себе художественную аллюзию или парафразу, чтобы вызвать у слушающих эстетическое настроение (с целью снять напряжение аудитории или для усиления впечатления от лекции). Один из таких приемов использовал на своих лекциях Владимир Набоков:

(27) Он закрывал все шторы в помещении, создавая полную темноту. Когда в зале звучала фраза: «На небосклоне русской литературы вот это Гоголь», — в конце помещения вспыхивала лампа. «Вот это Чехов», — на потолке зажигалась звезда. «Это Достоевский», — переключал выключателем Набоков. «А вот это Толстой!» — Набоков открывал шторы, и помещение заливал яркий солнечный свет¹⁷.

Вольфганг Хайнеманн (Heinemann 2010: 357) пишет о регулярном характере иностилевых вкраплений в тексты разных типов, например, о художественных элементах в судебной речи, благодаря которым убеждающее воздействие речи усиливается.

Следует, наконец, выделить оппозицию ЭРА коммуникативного и некоммуникативного характера. Такая постановка вопро-

¹⁶ В связи с этим можно привести цитату из книги Павла А. Флоренского: «Символ перестал бы быть символом, [...] если бы описание действительности предметом своим имело бы одну только эту действительность: описанию необходимо, вместе с тем, иметь в виду и символический характер самых символов, т.е. особым усилием все время держаться сразу и при символе и при символизируемом. Описанию надлежит быть двойственным. [...] Художественным образам приличествует наибольшая степень воплощенности, конкретности, жизненной правдивости [...]» (1990: 90–91).

¹⁷ <http://www.cluber.com.ua/lifestyle/samorazvitie-lifestyle/2014/08/25-samyih-yarkih-tsitat-lva-tolstogo/> (27.07.2021).

са может показаться странной, ведь речевые действия рассматриваются обычно как явления коммуникации, а одним из их аспектов является перлокуция как ожидаемая реакция коммуникативного партнера. Следует, однако, подчеркнуть, что речевое поведение не тождественно коммуникации — существуют РА и дискурсы некоммуникативного типа, например, экспрессивные, этологические или аквизитивные (подробнее см. Kiklewicz 2010: 98 и др.; 2015: 32 и др.; Kiklewicz, Kotin 2017).

Коммуникативные ЭРА реализуются в диалогах, когда реплика одного из коммуникативных партнеров указывает на его эстетическое намерение. Такой речевой стиль характеризует Семена Пантелеевича Епиходова, одного из героев комедии Антона Чехова «Вишневый сад». Как читаем в одной из статей, Епиходов преднамеренно

предстает перед окружающими в романтическом ореоле безумца, который влюблен, а оттого нарочито витиеватый (неспроста гитару он называет мандолиной), тяготеет к этикетным формам коммуникации. Речь его не обходится без высокопарных клишированных оборотов и часто звучит как пародия на речевой строй изысканного дворянского романа, имитируя куртуазный тип речевой стратегии (Яницкая 2011: 14).

Характерная черта коммуникативных ЭРА — адресованность. Наличие реального адресата (т.е. собеседника) проявляется в нескольких аспектах: во-первых, требование вежливости в рамках непосредственного межличностного контакта, как уже указывалось, ограничивает употребление РА с ординарным содержанием. Во-вторых, средства создания эстетического эффекта могут иметь более специфический и даже нонконформистский характер — в соответствии с эстетическими вкусами и установками коммуникативных партнеров.

В случае художественного творчества отсутствует прямая интеракция между автором и читателем. Хотя автор может иметь в виду некоторую фокусную группу, его эстетическая интенция скорее сводится к использованию определенного приема или конструктивного принципа как некоторой конфигурации эстетически маркированных форм организации или презентации текста¹⁸.

¹⁸ Эти формы являются более или менее конвенциональными (см. Potocka 2007: 93). Эстетическая интенция говорящего (как и любая другая интенция) распознается не непосредственно, а благодаря интерпретации плана выражения сообщения или текста, а также контекста (сопутствующих событий, отношений между коммуникативными партнерами, физических, физиоло-

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ АКТ...

Борис Успенский (1995: 182) обратил внимание на однократное появление первого лица в зачине или концовке фольклорных произведений, например, сказок. Как пишет исследователь, такое «появление рассказчика обыкновенно бывает как-то привязано к действию, хотя бы и достаточно условно». Некоторые популярные композиционные формулы:

- (28) И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало.
(29) А при смерти их остался я, мудрец; а когда умру, всяку рассказу конец.

казалось бы, не соответствуют предшествующему повествованию — в них звучит как бы ирония: внезапно появившийся рассказчик явно не мог принимать участия в действии. Функция такого рода композиционных элементов — коммуникативная: введение рассказчика и одновременно режима реальной коммуникации означает границу условного художественного дискурса. Успенский пишет:

Такие фразы не разрушают повествования, но заканчивают его: они необходимы именно как конец сказки, заключающийся в переходе от внутренней к внешней точке зрения (от жизни сказки к повседневной жизни). В связи с переходом на иную систему восприятия очень показательно и характерно появление рифмы в концовках такого рода (там же).

Некоторые ЭРА имеют некомуникативный, а именно автостимулирующий характер¹⁹: само произнесение некоторых выражений вызывает у говорящего эстетическое удовлетворение. В качестве примера приведем ситуацию из первого тома романа Льва Толстого *Война и мир*:

- (30) — Вот вам реляция и будет, — сказал Жерков, — глядишь, и меня в подпоручики произведут.
— Доложите кнезу, что я мост зажигал, — сказал полковник торжественно и весело.
— А коли про потерю спросят?

гических, психических состояний партнеров и др.). Такая интерпретация может соответствовать интенции говорящего в большей или меньшей степени. В качестве примера может послужить описанная Стэнли Фишем (Fish 2000) ситуация, в которой случайная последовательность слов была интерпретирована группой респондентов как стихотворение.

¹⁹ Это имеет место также в случае многих других действий, в основе которых лежит эстетическая интенция (или мотивация). Примером может быть ситуация, в которой человек вешает на стене своей квартиры картину.

— Пустячок! — пробасил полковник, — два гусара ранено, и один наповал, — сказал он с видимою радостью, не в силах удержаться от счастливой улыбки, звучно отрубая красивое слово *наповал*.

Нельзя быть уверенным в том, что полковой командир употребляет красивое с его точки зрения слово *наповал* для того, чтобы вызвать эстетическое настроение у своих собеседников — скорее всего само его произношение доставляет полковнику удовольствие, неслучайно Толстой пишет о счастливой улыбке на его лице.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование теории РА в литературной прагматике основывается на строгом разграничении художественных и нехудожественных дискурсов в плане содержания и формы. В данной статье был представлен подход к ЭРА, основанный на тезисе, что речевые действия этого типа, подобно речевым действиям других типов, обусловлены перформативной (в частности, коммуникативной) интенцией говорящего и реализуют определенное значение иллокутивной функции, состоящее в стимуляции эстетического удовлетворения адресата. Именно этот, функциональный фактор является решающим при определении статуса ЭРА — выбор соответствующих средств оформления высказывания подчинен интенции говорящего.

Наиболее типичные формы ЭРА представлены в области искусства — дискурсов художественной литературы, однако эстетическая интенция может наличествовать также в РА, реализуемых вне искусства, в частности, в повседневном общении.

Исследователи (см. Searle 1975; Petrey 1990) уделили много внимания проблеме истинностного статуса художественного текста, трактуя художественный вымысел как основной фактор его прагматического воздействия. На самом же деле фикция — это производная от прагматической интенции говорящего, которая может быть реализована также в фактивной конвенции: эстетическую функцию могут выполнять даже тексты деловой прозы²⁰.

²⁰ Подтверждением этому может служить отрывок из рассказа Андрея Платонова *Город Градов*: «Изучив все тексты сего дела, Шмаков положил свое заключение: „Ввиду сыпящегося из аэроплана песка, чем уменьшается

В соответствии с представленной концепцией эстетические речевые действия относятся к категории стимулирующих РА в рамках более широкой категории детерминирующих РА (к которой относятся также директивные, вопросительные, вокативные и креативные РА). Особенность стимулирующих РА заключается в невозможности прямой, волевой детерминации и контроля ментальных состояний адресата (эмоции, чувства, убеждения), которые по своей природе имеют автопоэтический («самовызываемый») характер. Прагматический эффект в этом случае возможен благодаря передаче имеющих отношение к форме сообщений, их контекстуализации и канализации стимулов первого порядка как предпосылки для рефлексивной деятельности получателя сообщения.

Прагматические условия реализации ЭРА влияют на их план выражения: употребление дискретных (лексических или грамматических) форм реализации иллокутивной функции здесь невозможно. В связи с этим задействованными оказываются разные элементы асертивной части высказывания, которая содержит информацию об области приложения прагматической функции: семантическое содержание текста или сообщения; его форма и структура; контекст и коммуникативная ситуация; канализация текста/сообщения, в том числе задействованные медиа.

С учетом функциональных и формальных характеристик ЭРА были разделены на несколько подтипов: 1) макро-, мезо- и микроакты; 2) свободные и связанные (комплементарные) ЭРА; 3) детерминирующие чувство красивого или безобразного; 4) коммуникативные и некоммуникативные.

В заключение следует отметить, что роль эстетического компонента современной социальной коммуникации постоянно возрастает. Благодаря росту благосостояния людей происходят изменения в системе ценностей. В известной пирамиде Абрахама Маслоу эстетические ценности относятся к шестому — наивысшему и наименее обязательному уровню, однако в современных постиндустриальных обществах они приобретают все более значительный, а в некоторых культурных ситуациях базовый

добротность пахотных почв, признать отпуск аэроплана хутору Девьи Дубравы пока преждевременным, о чем и уведомить просителей". Остаток трудового дня Шмаков истратил целиком и полностью на заполнение форм учета учетной работы, наслаждаясь графами и терминами государственного точного языка».

статус. Красота, изящность, привлекательность, *glamour* — эти характеристики стали практически неотъемлемым элементом многих дискурсов вне сферы искусства: в журналистике, маркетинге, дизайне и др. Это дает право для констатации, что изучение эстетической коммуникации имеет большие перспективы, а лингвисты могут внести в эти исследования значительный вклад.

REFERENCES

- Adorno, Teodor. *Estetycznosc i teoria*. Transl. Dranova, A.V. Moskva: Respublika, 2001 [Адорно, Теодор. *Эстетическая теория*. Перев. Дранова, А.В. Москва: Республика, 2001].
- Aroui, Jean-Louis. "Évocation et cognition. À propos d'un ouvrage récent." *Travaux de linguistique*, 2005, no. 51 (2): 135–155.
- Austin, John L. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press, 1962 [Русский перевод: Остин, Джон Л. "Слово как действие." *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII (выпуск 17). Теория речевых актов*. Городецкий, Борис (Ред.). Москва: Прогресс, 1986: 22–130].
- Banfield, Ann. "Pragmatics and Literature." *International Encyclopaedia of Linguistics*. Frawley, William J. (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 2003. 475–480.
- Basin, Yevgeniy. *Semanticheskaya filozofiya iskusstva*. Moskva: Gumanitariy, 2012 [Басин, Евгений. *Семантическая философия искусства*. Москва: Гуманитарий, 2012].
- Birke, Dorothe, and Köppe, Tilmann (Eds.). *Author and narrator: Transdisciplinary contributions to a narratological debate*. Berlin: De Gruyter, 2015.
- Black, Elizabeth. *Pragmatic Stylistics*, Edinburg: Edinburg University Press, 2006.
- Bredella, Lothar. "The pragmatics of literary texts." *Cooperating with Written Texts: The Pragmatics and Comprehension of Written Texts*. Stein, Dieter (Ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1992: 313–333.
- Cap, Piotr. "O wartości poznawczej pojęcia makro aktu mowy." *Prace Komisji Nauk Filologicznych Oddziału Polskiej Akademii Nauk we Wrocławiu, II*. Chruszczewski, Piotr, and Prędoła, Stanisław (Eds.). Wrocław: Polska Akademia Nauk Oddział we Wrocławiu, 2010: 195–208.
- Duszak, Anna. *Tekst. Dyskurs. Komunikacja międzykulturowa*. Warszawa: PWN, 1998.
- Fish, Stanley. "Czy na tych ćwiczeniach jest tekst?" *Teksty Drugie* 2000, no. 3 (62): 197–212.
- Florenskij, Pavel A. *U vodorazdelov mysli*. Vol. 2 (2). Moskva, Pravda, 1990 [Флоренский, Павел А. *У водоразделов мысли*. Том 2 (2). Москва: Правда, 1990].
- Heinemann, Wolfgang. "Czy wszystko jest stylem? Refleksje dotyczące relacji tekstu i stylu." *Stylistyka* 2010, XIX: 355–370.
- Heinemann, Wolfgang. "Textgrammatische und kommunikative Ansätze." *Textlinguistik*. Janich, Nina (Ed.). Tübingen: Narr-Verlang, 2008: 113–143.
- Hillis Miller, Joseph. *Speech Acts in Literature*. Stanford: Stanford University Press, 2001.

- Huang, Yan. *Pragmatics*, Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Jakobson, Roman. "Poetyka w świetle językoznawstwa." *Pamiętnik Literacki* 1960, no.2: 431–473.
- Jucker, Andreas H., Locher, Miriam A. "Introducing pragmatics of fiction: Approaches, trends and developments." *Pragmatics of Fiction*. Jucker, Andreas H., and Locher, Miriam A. (Eds.). Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2017: 1–22.
- Kabankova, Tat'yana. "Kognitivnyye i pragmaticheskiye osnovy issledovaniya sinkretichnykh rechevykh aktov odobreniya/neodobreniya." *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* 2011, no. 3–4: 419–423 [Кабанкова, Татьяна. "Когнитивные и прагматические основы исследования синкретичных речевых актов одобрения/неодобрения." *Социально-экономические явления и процессы* 2011, no. 3–4: 419–423].
- Kajtoch, Wojciech. *Szkice polonistyczno-rusycystyczne*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2015.
- Kiklewicz, Aleksander, Kotin, Michail. "Einige Aspekte der Diskursontologie: Diskurs und Kommunikation." *Kwartalnik Neofilologiczny* 2017, LXIV/3: 271–285.
- Kiklewicz, Aleksander. "Kategoryzacja dyskursu." *Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne*. Kiklewicz, Aleksander, and Uchwanowa-Szmygowa, Irina (Eds.). Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej, 2015. 15–42.
- Kiklewicz, Aleksander. "Sprechen und wissen. Zum kognitivem Aspekt der Sprachhandlungen." *Die Welt der Slaven* 2021, no. 66 (2): 300–319.
- Kiklewicz, Aleksander. *Tęcza nad potokiem... Kategorie lingwistyki komunikacyjnej, socjolingwistyki i hermeneutyki lingwistycznej w ujęciu systemowym*. Łask: Leksem, 2010.
- Kizelbach, Urszula. "(Im)politeness in fiction." *Pragmatics of Fiction*. Jucker, Andreas H., and Locher, Miriam A. (Eds.). Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2017: 425–454.
- Kobozeva, Irina. "The problem of identification and syntactic representation of Russian complex sentences with illocutionary-independent subordinate clauses." *Linguistische Arbeitsberichte* 75. 3. *Europäische Konferenz "Formale Beschreibung slavischer Sprachen"*. Zybatow, Gerhild, and Junghanns, Uwe, and Mehlhorn Grit, and Szucsich, Luka (eds.). Leipzig: Universität Leipzig, 2000: 67–79.
- Kobozeva, Irina. "O kriteriyakh illokutivnoy samostoyatel'nosti chastej slozhnogo predlozheniya." *Trudy mezhdunarodnogo seminar Dialog'99 po komp'yuternoy lingvistike i yeye prilozheniyam*. Moskva: Rosnii iskusstvennogo intellekta, 1999: 133–137 [Кобозева, Ирина. "О критериях иллокутивной самостоятельности частей сложного предложения." *Труды международного семинара Dialog'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Москва: Росний искусственного интеллекта, 1999: 133–137].
- Lerchner, Gotthard. "Stilistisches und Stil. Ansätze für ein kommunikative Stiltheorie." *Beiträge zur Erforschung der deutschen Sprache* 1981, no. 1: 85–170.
- Maturana, Humberto R., Varela, Francisco J. *The tree of knowledge the biological roots of human understanding*. Boston, Massachusetts: Shambhala, 1992.
- Mayenowa, Maria R. *Poetyka teoretyczna. Zagadnienia języka*. Wrocław etc.: Osolineum, 1974.
- McGarry, Aidan, amd Erhart, Itir, and Eslen-Ziya, and Hande, Jenzen, and Olu, Korut, Umut (Eds.). *The aesthetics of global protest: visual culture and communication*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020.

- Mey, Jacob L. "Literary Pragmatics." *The handbook of discourse analysis*. Schiffrin, Deborah, and Tannen, Deborah, and Hamilton, Heidi E. (Eds.). London: Blackwell, 2001: 787–797.
- Mey, Jacob L. "Pragmatics and literature." *Foundations of pragmatics*. Bublitz, Wolfram, and Norrick, Neal R. (Eds.). Berlin–Boston: De Gruyter Mouton, 2011: 511–534.
- Minai, Asghar. *Design as aesthetic communication: structuring random-order, deconstruction of formal rationality*. New York etc.: Peter Lang, 1989.
- Morgan, Andrew. "Solving the Puzzle of Aesthetic Assertion." *Southwest Philosophy Review* 2017, no. 33 (1): 95–103.
- Mytych-Forajter, Beata. *Czule punkty Grochowiaka. Szkice i interpretacje*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010.
- Ohmann, Richard. "Speech acts and the definition of literature." *Philosophy & Rhetoric* 1971, no. 4 (1): 1–19.
- Parret, Herman. *The Aesthetics of Communication: Pragmatics and Beyond*. Dordrecht etc.: Springer Netherlands, 1993.
- Pilkington, Adrian. "Literary pragmatics." *The Pragmatics Encyclopedia*. Cummings, Louise (Ed.). London etc.: Routledge, 2010: 251–253.
- Porębski, Mieczysław. *Sztuka a informacja*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1986.
- Potocka, Maria A. *Estetyka kontra sztuka. Kompromitacja założeń estetycznych w konfrontacji ze sztuką nowoczesną*. Warszawa: Fundacja Aletheia, 2007.
- Pratt, Mary L. *Toward a Speech Act Theory of Literary Discourse*. Bloomington: Indiana University Press, 1977.
- Rastall, Paul. "Aesthetic responses and the «cloudiness» of language: is there an aesthetic function of language?" *La linguistique* 2008, no. 1 (44): 103–132.
- Romanov, Aleksey. *Sistemnyy analiz regulativnykh sredstvi dialogicheskogo obshcheniya*. Moskva: Institut Yazykoznanija AN SSSR, 1988 [Романов, Алексей. *Системный анализ регулятивных средств диалогического общения*. Москва: Институт языкознания АН СССР, 1988].
- Searle, John R. "A classification of illocutionary acts." *Language in Society* 1976, no. 5: 1–23. [Русский перевод: Серль, Джон Р. "Классификация иллокутивных актов." *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII (выпуск 17). Теория речевых актов*. Городецкий, Борис (Ред.). Москва: Прогресс, 1986: 151–169].
- Searle, John R. "The logical status of fictional discourse." *New Literary History* 1975, no. 6 (2): 319–332.
- Searle, John R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. London: Cambridge University Press, 1969.
- Sell, Roger D. (Ed.). *Literary Pragmatics*. London: Routledge, 1991.
- Ślawiński, Janusz. *Dzieło. Język. Tradycja*. Warszawa: PWN, 1974.
- Ślawiński, Janusz. *Próby teoretycznoliterackie*. Warszawa: PWN, 1992.
- Thyssen, Ole. *Aesthetic communication*. London: Palgrave Macmillan, 2011.
- Uspenskiy, Boris. *Semiotika iskusstva*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1995 [Успенский, Борис. *Семиотика искусства*. Москва: Языки славянской культуры, 1995].
- Uvarov, Sergey. *Muzyka v rezhissure Aleksandra Sokurova*. [Dissertatsiya]. Moskva, 2014 [Уваров, Сергей. *Музыка в режиссуре Александра Сокурова*. [Диссертация]. Москва, 2014].
- van Dijk, Teun A. *Macrostructures. An Interdisciplinary Study of Global Structure in Discourses, Interaction and Cognition*. Hillsdale–New Jersey: Erlbaum, 1980.

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ АКТ...

- van Dijk, Teun A. "Pragmatics and poetics." *Pragmatics of Language and Literature*. van Dijk, Teun A. (Ed.). Amsterdam: North Holland, 1976: 23–27.
- van Dijk, Teun V. *Язык, познание, коммуникация*. Москва: Progress, 1989 [ван Дейк, Теун А. *Язык, познание, коммуникация*. Москва: Прогресс, 1989].
- Vidgof, Vladimir. *Filosofiya esteticheskogo soznaniya: intellektual'no-emotsional'nyy mir, sotsial'naya priroda, spetsifika*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo Universiteta, 2007 [Видгоф, Владимир. *Философия эстетического сознания: интеллектуально-эмоциональный мир, социальная природа, специфика*. Томск: Издательство Томского Университета, 2007].
- Vygotskiy, Lev. *Psikhologiya iskusstva*. Moskva: Iskusstvo, 1986 [Выготский, Лев. *Психология искусства*. Москва: Искусство, 1986].
- Warner, Chantelle. "Literary pragmatics and stylistics." *The Routledge Handbook of Stylistics*. Burke, Michael (Ed.). London: Routledge, 2014: 362–377.
- Witczak-Plisiecka, Iwona. *From Speech Acts to Speech Actions*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013.
- Wunderlich, Dieter. *Linguistische Pragmatik*. Frankfurt/M.: Athenäum Verlag, 1972.
- Yanitskaya, Svetlana. "Romansnyye tsitaty i reministsentsii v p'ese A.P. Chekhova Vishnevyy sad'." *Vesnik Bo. DU* 2011, 4 (11): 13–17. [Яницкая, Светлана. "Романские цитаты и реминисценции в пьесе А.П. Чехова 'Вишневый сад'." *Вестник БДУ* 2011, no. 4 (11): 13–17.]
- Yulmaz, El'vira, and Ashrapova, Alsu, and Zinnatullina, Zul'fiya, and Popp, Irina. "Potentsial sinkretichnykh rechevykh aktov odobreniya/neodobreniya v lingvistike (na primere materialov SMI)." *Politicheskaya lingvistika* 2017, no. 5 (65): 74–79 [Йылмаз, Эльвира, Ашрапова, Алсу, Зиннатуллина, Зульфья, Пopp, Ирина. "Потенциал синкретичных речевых актов одобрения/неодобрения в лингвистике (на примере материалов СМИ)." *Политическая лингвистика* 2017, no. 5 (65): 74–79].
- Zagidullina, Marina, and Kiklevich, Aleksandr (Eds.). *Mediaesteticheskiy komponent sovremennoy kommunikatsii*. Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo universiteta, 2020 [Загидуллина, Марина, Киклевич, Александр (Ред.). *Медиаэстетический компонент современной коммуникации*. Челябинск: Издательство Челябинского университета, 2020].
- Zhikhareva, Nataliya, Grineva, Yulya. "Osobennosti upotrebleniya sinkreticheskikh rechevykh aktov v rechi angloyazychnykh politikov." *Yazykoznanie. Vostochno-slavyanskaya filologiya* 2017, no. 4 (30): 42–53 [Жихарева, Наталия, Гринева, Юлия. "Особенности употребления синкретических речевых актов в речи англоязычных политиков." *Языковедение. Восточнославянская филология* 2017, no. 4 (30): 42–53].